

Лариса Сафо

Хроники Дерябино
в трех частях

**Эффект
Малевича**

Часть I

Лариса Сафо

**Хроники Дерябино в трёх частях.
Часть 1. Эффект Малевича**

«Издательские решения»

2015

Сафо Л.

Хроники Дерябино в трёх частях. Часть 1. Эффект Малевича /
Л. Сафо — «Издательские решения», 2015

Предложенная на суд читателей книга написана в жанре политической сатиры на канве детективного сюжета. В тексте намеренно используются устаревшие слова и выражения, дабы возбудить интерес читающей публики к утерянным связям с давно ушедшими поколениями.

© Сафо Л., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Хроники Дерябино в трёх частях

Часть 1. Эффект Малевича

Лариса Сафо

*«Высоколобые» утверждают – интерес к политике продлевает
человеческую жизнь, а любовь к детективам придаёт ей вкус перца
«чили», что полезно для желудка
Будьте здоровы и живите дольше!*

© Лариса Сафо, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

В этот предрассветный час морг города Дерябино приветливо светился маленьким оконцем на первом этаже без каких-либо признаков евростиля. Дим Димыч Кариес, местный санитар и по совместительству сторож, одиноко пил чай в своей ярко освещённой каморке. Право на десять квадратных метров в морге он заслужил безупречным трудом на благо его временных «постояльцев» и во имя охраны «промежуточного» покоя оных. Как и они, Дим Димыч довольствовался топчаном, в отличие от них – продавленным креслом, а также доставшимся квадратным столиком от уволенного за непочтительное отношение к безутешным «браткам» ещё на заре девяностых годов прошлого столетия бывшего директора.

Единственным украшением скромного жилища служил большой портрет Артура Конан Дойла, с которым Кариес частенько спорил по поводу его широко разрекламированного метода расследования преступлений туманного Альбиона. В спорах с почтенным господином Дим Димыч прибегал исключительно к нормативной лексике обременённого высшим образованием интеллигентного человека. Хотя такового не имел, но ночные бдения над бессмертными творениями незабвенного сэра не прошли для него даром.

Санитар морга имел круг фанатов разработанного им индуктивного метода расследования смертоубийств, один из которых как раз сейчас стучался в обитую дерматином дверь. Это был любивший в свойственной ему похоронной манере подколоть своего многолетнего друга загадками потустороннего мира местный сторож кладбища Игнат Васильевич Безрукий.

Пришел он не один и не с пустыми руками. За его спиной горбился обозначивший своё бледное лицо над плечом Игната незнакомец, который широко улыбался, обнажая ряд «отди-ролинных» зубов, и приветливо тряс свежесбранным подбородком. Потом натужно откашлялся и вежливо втиснул Игната внутрь.

Приставленный судьбой охранять покой по своей или чужой воле усопших дерябинцев Дим Димыч был несказанно рад живым и сразу перешёл к сути дела. На столе появились бутылка кефира, чекушка, банка солёных огурцов и пышная булка в форме женских ягодичек. Извлечённые с навесного шкафчика покрытые позолотой чашки, розетка с яблочным вареньем, один гранёный стакан выдавали в нём и изысканного человека, и гостеприимного хозяина, и матёрого трезвенника.

Игнат Васильевич и незванный гость уселись на топчан, довольно бесцеремонно придвинув к ногам отмеченный зубами бывшего директора журнальный столик.

– Димыч, мы тут мимо «ночника» проходили, «затарились» и зашли тебя проведать. Ты как? – спросил Безрукий, открывая банку молодящихся огурцов.

– Ты своих проведывай, а я пока ещё живой, – отшутился Дим Димыч, пристально разглядывая незнакомца пронзительными глазами Шерлока Холмса.

Дим Димыч разделил еду на столе по вкусовым пристрастиям и с давно утраченным томлением надкусил фигурную булку. Он первым начал разговор:

– Вы меня извините, я вас не знаю, но зачем это вы свои очки в карман сунули? – с янычарским добродушием обратился санитар морга к незнакомцу, вызвав испарину на его пока-том лбу.

Игнат с жеребьячим хохотком стукнул незнакомца по колену и, «прядя» ушами, воскликнул:

– А, что я тебе говорил? Раскусил-таки! Ладно, Дим Димыч, давай пытай...

Друг кладбищенского сторожа привстал с топчана, протянул лопатой вспотевшую ладонь хозяину каморки, откашлялся и с неподобающим моменту торжеством представился:

– Викентий Павлович Дымов, очень рад знакомству.

– Аналогично. Вы, Викентий Павлович, давно в дерябинском архиве служите? – насмешливо полюбопытствовал Дим Димыч и по-ленински прищурил лазоревые глаза.

– Давно, – в режиме он-лайн сумрачно ответил тот.

Потом вскочил, пригладил вставшие торчком волосы, достал из кармана старомодные очки, вернул оные обратно и опустил на топчан в немом замешательстве. Во всё время его бойких телодвижений санитар морга невозмутимо пил кефир и жёстко расправлялся с аппетитной сдобой.

– Ну, как Вы... – наконец подал осипший голос Викентий Павлович, доктором Ватсоном поглядывая на портрет сэра Артура Конан Дойла.

Дим Димыч по-доброму склонил голову на бок и быющей хвостом по кромке проруби щуклой начал:

– В 1987 году к нам привезли одного архивариуса с пробитым легким. Он бы, конечно, и так помер, легкие у него как коврик были, все в пыли. На носу – вдавленная полоса от дужки очков, снежно-белое лицо, кожа на локтях потёрта и копной сена после дождя лежащие волосы. Никого не напоминает?

С удовлетворением увидевшего мифические российские войска на подступах к Донбассу либерала санитар морга откинулся в кресло и запахнул полы много повидавшего в этом бренном мире пиджака. А затем, растягивая слова пешей цепью, продолжил:

– Наш здешний патологоанатом Арсений Петрович позволяет мне присутствовать при вскрытии тел на правах обосновавшегося на многие лета в приёмном покое между тем и этим миром дерзкого таракана. Это я к тому, дабы не было сомнений в адекватности моих суждений. Так вот, в девяносто третьем году году к нам «пожаловал» бледнолицый труп служителя дерябинского архива с проникающим ранением в живот колюще-режущим предметом. При «знакомстве» открылась аналогичная картина, что и в первом случае: та же борозда на переносице, завтрак моли в легких, кожа на локтевых сгибах как перепаханное танком поле. Но! Волосняной покров на черепе отсутствовал...

Дим Димыч по-сайгачьи резво вскочил на ноги и обратился к портрету достопочтенного автора английских детективов с риторическим вопросом:

– Ну, и как это тебе, дорогой сэр? Выходит, не всех архивариусов природа наделила шапкой волос? И я полный идиот с неполным средним образованием. Но! О чём нам говорит бритая голова трупа? При характере его деятельности волосы нуждаются в помывке через день, согласен? Зарплата служителя архива позволяет разве что разжиться куском мыла с характерным запахом давно немытых ног. И наш труп избавляется от пересыпанных перхотью и пылью волос, дабы не нервировать шустрых дамочек определённого возраста в поиске архивных следов своей самоотверженной деятельности на благо государства. Более того, изнурённая борьбой за демократию интеллигентная натура трупа не могла вынести это амбре из социальной солидарности с вами и нашим правящим классом.

Последние слова санитар морга вызвали щенячий ужас в глазах Викентия Павловича, как будто он подавился телячьей косточкой. Сама мысль о принадлежности к каким-то классам приводила того в дрожащее и тоскливое состояние духа. Дымов мышью подбежал к столу, залпом выпил стакан водки и, насадив огурчик на вилку, вызывая проткнул ею останки сочной булки. По-всему выходило – служитель дерябинского архива не вольётся в стройные ряды фанатов Дим Димыча и его индуктивного метода.

Неоднократно присутствующий при подобного рода «вскрытиях» дерябинцев всех возрастов и классовых различий Игнат Васильевич рассеянно перебирал снимки в любовно собираемом санитаром морга альбоме. Фотографии давно усопших с характерными признаками насилия и без оного вызвали в нём чувство полного удовлетворения жизнью.

Дим Димыч не без изумления озадачился аполитичностью местного архивариуса, вернулся в обитое кумачом кресло и скрестил руки на груди серпом и молотом. Засим по-большевистски ярко продолжил, прямо обращаясь к посеревавшему лицом Викентию Павловичу:

– Когда вся собственность страны окончательно «раздербанилась» и приобрела более или менее устойчивый характер с помощью утюгов и дыроколов, в первом нулевом году труп очередного архивариуса в наших гостеприимных стенах был как бы и не к месту. Но! В закрытых Дерябино кое-что надкусили, а проглотить не смогли. Эта архивная крыса была волосата, лицом бледна, имела слабо различимый надпил на переносице. Судя по размерам печени и соответствующему полу «достоинству», имела умеренно выраженное пристрастие к алкоголю с сильно развитым мужским инстинктом. Ваш коллега погиб из-за чрезмерного приема внутрь «виагры», и явно не по своей воле. Но! Всё, что характеризует архивариуса, как социального индивидуума, у него имелось. Включая испещрённую мелкими морщинками старушечьего лба кожу на локтях.

Непримиримо вскинув голову и приняв позу борца за права курильщиков в поездах дальнего назначения, Дымов напористо возразил:

– Да после его смерти сколько лет прошло! Неужели вы всерьёз полагаете, что наши условия труда не изменились! Право же... Пора спустить в канализацию ваш индуктивный метод!

С шумом спускаемой воды в унитазе санитар морга отшвырнул ногой кресло и встал перед Викентием Павловичем оскорблённым в святых чувствах сантехником. Грозным голосом старшины присяжных при оглашении обвинительного вердикта Дим Димыч продолжил:

– Полагаю, вы намекаете на оцифрование всех документов дерябинского архива, исключаящих наличие в учреждении пыли, необходимости в очках, елозанья локтями по столешницам? Я, уважаемый, с матушкой нашего нынешнего мэра в один детский сад ходил. И ещё с горшка помню, что это была за штучка. Уже тогда она доподлинно знала: самый короткий путь к цели – зайти к ней сзади. И внушила это представление сыну, щедро сдабривая младенца грудным молоком. Смею вас заверить, процесс оцифрования ваших архивных единиц находится в прямой зависимости от растущих потребностей градоначальника, его жены и проживающей ныне отнюдь не в каморке папы Карло подружки Клары. В своей деятельности сей господин руководствуется принципом: лучшее средство от першения в горле – удавка из шарфа. Ибо чем мелководней денежный поток, тем глуше и робчее наш долготерпеливый народ.

Поверженная ниц жертва индуктивного метода санитар морга нацепила на нос очки и выслушала заключительную тираду с негой условно приговоренного к десяти годам заключения казнокрада. А тот прокурором итожил:

– Дай бог, если на сегодняшнее утро оцифрованию подверглось процентов двадцать дерябинских документов. И посему мы сейчас имеем того, кого имеем – Викентия Павловича Дымова со всеми признаками вида архивариуса городского.

С достоинством раскрывшего очередное дело прославленного в веках эксвайра он стал убирать снедь со стола в рекламирующий европейские кружевные трусики пакет Игната Васильевича. Незванные гости хозяйский намёк поняли и стали протискиваться к двери, одновременно мешая и подталкивая друг друга. Почти у самого порога Викентий Павлович обернулся к хозяину и с видом пронзающего грудь вурдалака осиновым колом мирянина нахально спросил Дим Димыча:

– А раскрыть убийство сможете? Или – не дано!

В задумчивости застывший у портрета своего всенощного визави санитар морга не удостоил того ответом. И ушел в иные дали, куда не ступит человеческая нога, но где густо роятся души покинувших нас людей, о чем-то базаря и скандаля. Кариес не идеализировал потусторонний мир и истово верил в классовую сущность всего происходящего как на суше, так и на небе, ибо считал Ииуса Христа первым настоящим коммунистом. И полагал, что имеет

на то весомые основания – Кодекс строителей справедливого общества на земле не сильно отличался от высоких божьих заповедей. А уничтожение большевиками церковей объясняется борьбой Совнаркома с конкурирующими организациями.

Влекомые позывами трудовых будней Викентий Павлович и Игнат Васильевич спешно вышли к живым в раздумывавшееся весеннее утро. Дерябинская весна ничем не отличается от других: разве что воздух почище, да солнце поярче из-за отсутствия чрезвычайно вредных производств и трасс федерального значения. В городе проживает порядка ста пятидесяти пяти тысяч человек самых разных вероисповеданий и политических воззрений с явным преобладанием традиционных.

Справа от города протекает речка, слева от неё раскинулась не отягощённая химическими примесями лесополоса. Она – и парк для молодых, и укромный уголок для страждущих «партизанского» уединения глубоко «окольцованных» горожан, и природная кладовая для всех остальных. Благодаря ей дерябинские легкие дышат легко и свободно, всем своим видом утверждая правдивость минздравовского посыла о вреде курения.

Как и всякая человеческая общность, население Дерябино в эпоху победившего капитализма одержимо теми же пороками и страстями, что и жители Москвы или Парижа. Для неудержимого погружения в оные дерябинская «фауна» в изобилии наводнена магазинами, кафе, банями, аптеками и ночными клубами, а «флора» располагает двумя кинотеатрами, одним музеем боевой славы и театром безо всякой славы из-за отсутствия в репертуаре постановок по Розенталю.

Два городских учебных заведения без какого-либо административного вмешательства извне оформились в гимназию и лицей со всей вытекающей отсюда кастовой принадлежностью. Жизненные линии гимназистов и лицеистов в масштабах Дерябино никогда не пересекались, за исключением жгучих драм в духе Монтеки и Капулетти.

Проходя мимо редакции местной газеты, Викентий Павлович и Игнат Васильевич намеренно прибавили шаг из-за непреодолимого отвращения к рождённому в его чреве печатному слову. Причем, первый считал редактора мелкой рыбёшкой среди «акул пера», а второй – внедрённым в непорочный дерябинский люд агентом иностранной разведки с целью окончательного разложения одного до состояния свободно кочующих по безлюдным степям диких племен. В буйном воображении кладбищенского сторожа только ковыль будет ласкать потные тела варваров после очередного набега на просвещённый народ и только звёздное небо останется для них источником знаний. И не будет Псаки, «омывшей» Белоруссию морями», и российских войск, вероломно «вторгшихся» на территорию незалежной Украины с победно развевавшимся ещё вчера звёздно-полосатым флагом над зданием СБУ, и даже застывших в немом укре «Мистралей». Ничего этого «славянская орда» знать не будет. От этой картины Игнат Васильевич часто вздрагивал во сне, пугая жену и тревожа покой усопшего отца, бывшего секретаря партийной организации мелькомбината.

Редакционный коллектив местного таблоида перманентно находится в состоянии томления духа по вкусу настоящей колбасы, надёжному государственному плечу и широкой спине совблока. Но до тошноты манит его и аромат киви, до потери собственного достоинства доводит запах кожаной обивки «бумера» и до душевного обморока угнетает скромное обаяние изготовленной мозолистой рукой китайки «шмотки».

Это форс-мажорное раздвоение личности гражданина в частности и городского люда вообще находит материальное выражение во всём облике Дерябино. Памятник Ильичу мирно соседствует с местной церквушкой, библиотека – с обменным пунктом валюты, кинотеатр «Родина» – с афишей очередной саги голливудской фабрики фантомов. Родное кино давно и надолго вытеснено в Дерябино «попкорновым», в котором спецэффекты подменили чувства и мысли, как электронная энциклопедия подменила собой пахнущую типографской краской книжку.

Заклучив пакт о ненападении с религией и смирившись соседством Шолохова с курсами иностранных валют, ветеранское общество Дерябино объявило было войну «ненашенским» фильмам. И даже выпустило прокламацию о «тлетворном влиянии Запада» на взъерошенные умы дерябинцев, за что было подвергнуто изошрённым гонениям со стороны оболваненной вашингтонской пропагандой узкой общественности с широкой прослойкой «грантоедов». Впрочем, аксакалы не сдались и засели в засаде.

И над всем этим мировоззренческим «салатом» витает неизбежное русское моление «Лишь бы не было войны!». Как и тридцать лет назад, когда под видом реконструкции кухни снесли весь дом, а в целях укрепления мира во всем мире уничтожили его оплот. И на мировую авансцену вновь вышел «человек с ружьем».

Вполне определенно высказался на сей счет и редактор издаваемой подпольно и в целях конспирации ручным способом местной газете «Вилы» Кротов Прокопий Сидорович:

«Душа Дерябино нашла временное успокоение в приращении Крыма к российским берегам и утоплении либерального брига на ментальных рифах. Сформированный необъятными просторами общинный характер русского народа позволил счастливо избежать удушающих западных объятий во имя торжества общего над частным, ибо «хуже войны с англосаксом может быть только дружба с ним». Каждый дерябинец интуитивно осознавал – придётся дорого заплатить по геополитическим счетам, но каждый торопился в кассу выбить личный чек за суверенное право вершить свою судьбу.

И пусть заокеанские поджигатели новой войны злобно точат свои окровавленные зубы в надежде вонзить оные в обескровленное олигархами тело России, у нас самих клыки найдутся!».

Глава 2

Уже на закате перестройки спрятавший свой партийный билет в днище истерзанного временем дивана редактор легального дерябинского таблоида «Особый путь» Гудков Валерий Иванович руководствовался в своей редакционной политике единственным правилом: нет доли – нет вони. Оно находилось в естественном соитии с нормами царившего вокруг него хищнического бедлама, но Валерий Иванович придерживался одного не без риска познакомиться с Дим Димычем посмертно и в постоянной борьбе с самим собой. Борьба эта проходила с переменным успехом.

Когда на светлом дерябинском пути к торжеству рыночных отношений ему попадалась кочка со «звериным оскалом капитализма», он не без ехидства окучивал её в редакторской колонке. Но стоило только местному депутату от коммунистов выступить с какой-нибудь инициативой в духе поправок конституционных прав дерябинцев, Гудков нещадно клеймил его с пафосом сенатора Маккейна.

И этот дух внутренних противоречий давно вырвался из редакционных стен и злокозненно фланирует по Дерябино. Иногда проявляется в виде сожженной на стоянке вычурной машины или разбитых орудием пролетариата витринах магазинов, и всегда в майские дни в колоннах горожан с портретами Сталина, горой красных гвоздик у ног памятника Ильичу с последующим плавным перетеканием людских потоков к воротам местной церквушки. Лишённые собственности хамя выражали свой протест старорежимным образом, ибо точно знали – ни один либерал в здравом уме и твердой памяти не променяет хамон, шенгенскую визу и газету «Собеседник» на очередную передовицу газеты «Правда» о колоссящих полях, рекордных надоях, нацеленных куда надо правильных ракетах, дырку в железном занавесе не для всех, и без боя не сдастся. А выходить на баррикады дерябинцы не желали – каждому уже было что терять.

Кабинет барометра общественного сознания Валерия Ивановича Гудкова был выдержан в стиле «и нашим – и вашим». На всякий случай! В шкафу в самом запылённом углу сиротливо ютится бюстик вождя мирового пролетариата, сразу над головой редактора – всеми узнаваемый портрет с твердым взглядом из-под пшеничных бровей, на столе – ноутбук и письменный прибор в виде парящего орла с одним выбитым глазом, а на правой стене – суровый лик последнего императора Российской империи.

Но самое почётное место на кабинетном сейфе занимает лихо отрубавший головы «гидре капитализма» гипсовый Чапаев на коне. Одна из случайно избежавших гибели гидр притаилась в углу кабинета. Она имела вид дубовых напольных часов с исполненной вязью благодарственными словами за бережно культивируемые газетой ростки рыночных отношений на дерябинской ниве.

Гудков привычным движением распахнул усилиями местного рекламодателя облагороженное евростилем окно, впустил дерябинский воздух внутрь помещения и могуче захватил его полной грудью. Параллельно воздушному потоку через дверь влетел местный папарацци, а по совместительству фотокорреспондент газеты «Особый путь» Чижиков Владимир.

С видом только что откопавшего Трою Шлимана он подбежал к редакторскому столу, поместил крепкие жилистые руки на измождённую никотином грудь и заговорщически спросил:

– Вы в курсе трупы на Сиреновой полянке? Там, где полно сирени. Ну, вы знаете... Это Маринка Дробышева, дочь хозяина торговой сети «Медяк». Между прочим, на прошлой неделе я ей портфолио делал! Вот..

Профессиональным движением крупье Володька выложил веером на стол фотографии той, что ещё вчера была голубоглазой блондинкой пятнадцати лет от роду с претензией на Мэрилин Монро.

– Как?! Она же из этих, випов... Дробышев за неё весь город дробью «прошьёт»!

Предгрозовую атмосферу кабинета молнией пронзил звонок редакторского телефона. На правах снёсшей золотое яйцо курицы, папарацци схватил трубку и по-хозяйски «прокудахтал» в неё: «Занят!». Тут же в дверях появилась русая головка Люси с лицом японской гейши и потерявшей листву сакурой спросила:

– Вас не соединять?

Не услышав привычного воркования, она моментально скрылась. Валерий Иванович не пользовался мобильным телефоном из-за опасений прослушки и трепетно охраняемого личного пространства во времени. В виду этого уже никто и ничто не могло замедлить ход надвигающейся бури.

Редактор озлоблённо швырнул ручку на пол – подарок местных ветеранов за принципиальную позицию по вопросу реставрации музея боевой славы – и выскочил из-за стола. Засим схватил за руку Владимира с криком подбитой из рогатки галки:

– Зачем убили? Кто? И как ты в курсе?

Папарацци пойманным хулиганом на месте побития окон в женском отделении бани непочтительно оторнул от себя верхнюю конечность Гудкова и ожесточённо ответил:

– По роду своей общественной деятельности. Вот как. Маринка не заплатила мне за фотосессию, «типа» не похожа она в ней на ту... Ну, вы знаете. Подружку Кеннеди. Я начал за ней следить...

Шокированный панибратским жестом сотрудника Валерий Иванович для восстановления статус-кво вернулся на завоёванное в политических боях рабочее место. По ходу следования к редакторскому столу резко закрыл открытое настежь окно, чуть не отломив ручку рамы. Хотя реклама местной сауны в следствии которой оно появилось, дорого обошлась его репутации блюстителя чистых нравов, и уже в силу этой причины могло рассчитывать на более нежное обращение.

Чижигов уселся в кресло перед младшим братом хозяйского стола два метра на два, навалился на него всей стеснённой грудью и интимно «прочирикал»:

– У меня такой принцип – каждый труд должен быть оплачен. Ну, вы знаете. Подловить Дробышеву у гимназии – никак. Папашины охранники её привозят – увозят. А они по габаритам не медяки, целые рубли. Отделают так, что и Дим Димыч не узнает. А тут Маринка выскочила около девяти утра из гимназии и куда-то «ломанулась». Я – за ней...

Утвердившись за редакторским столом, Гудков схватил фото с изображением распростёртого девичьего тела и потерянно воскликнул:

– Это вот она?

Володька взглянул на снимок в нервически дрожащих редакторских пальцах и с тактом скрывающей досаду от посаженного гостем пятна на белоснежную скатерть хозяйки ответил:

– Само собой – она... Это можно сказать её последнее, посмертное изображение. Между прочим – и при жизни, и после неё Маринка никак не тянет на эту... Ну, Вы знаете.

– Слушай, у тебя сердце есть? Молодая девушка зверски убита, а ты глумишься, – с укоризной в голосе учителя перед беснующимся младшим классом прокомментировал редактор слова Чижигова.

Владимир тут же со смешком парировал:

– А что тут зверского? Посмотрите, что у неё во рту. Большой, спелый банан. Орудие преступления, так сказать. Анекдот какой-то...

– Да, – протянул редактор и до крови прикусил губу, но в преддверии дополнительного тиража газеты мечтательно спросил:

– А ты уверен, что она мертва? Мы сейчас растрезвоним на весь свет, а Маринка с утра придет опровержение требовать! Может, это розыгрыш какой-то... Как-то картинно Дробышева выглядит, по-голливудски, а?

Володька вырвал фото из редакторских рук в явном раздражении и с негодованием красного комполка Гайдара в общении с правнуком в заоблачных далях стал тыкать пальцем в мятущийся в начальственных пальцах снимок.

– У неё руки за спиной замотаны скотчем. Видите? Задохнулась она! И Вы бы задохнулись при таком раскладе, – саркастически заметил папарацци, намекая на всем известную любовь Валерия Ивановича к этой экзотической ягоде.

Гудков напрягся заалевшим лицом и с непроницаемым видом убрал вазу с бананами со стола в сейф, код которого знали только двое – он и его незримая тень Люси. И тут Чижилов вороньим манером исподтишка наскочил на редактора словами:

– Так, вы меня дальше слушать будете или продолжите допрос? Кстати сказать, я вам сенсацию в «клюве» принёс, а вы мне перья «щиплите». Вы мне «лапы» целовать должны!

Валерий Иванович отложил фото на самый край стола и примирительно откинулся в редакторском кресле. Сложив пальцы рук вигвавом и уперев локти в стол, Гудков принял позу ожидавшего долгожданных известий от скво индейца. И они не замедлили явиться метко пущенной «стрелой» папарацци:

– Иду, значит, я за ней через весь город. Шифруюсь, конечно, но она ни разу не обернулась. Зашла Маринка в лесополосу, а я на пенёк уселся. Помните, от спиленного сразу после аварии дерева, когда дерябинский сноб автомобилем в него сына «учительки» впечатал. Ну, вы знаете...

Неожиданно для редактора местного таблоида разговор приобрёл дискриминирующий его характер. Валерий Иванович слегка поморщился, по-чиновьи широко развёл руками и обидчиво заметил:

– Между прочим, по призыву газеты мы всем городом деньги на похороны собирали, чтобы ты знал. Никто же не виноват, что там этот столетний дуб «нарисовался»! И чем мы могли ей помочь?

Володька отреагировал на мелкобуржуазные оправдания редактора традиционной русской фигурой из трёх пальцев и торопливо продолжил:

– Короче, где-то через час слез я с этого пенька и пошёл в лесополосу. Метров через триста она лежала. По звонкам мобильного, между прочим, нашел. Зря вы всё таки им не пользуетесь... Мало ли что! При вашей работе... Ну, вы знаете.

Заметив на редакторском лице линию Маннергейма в виде мгновенно утончившихся губ, папарацци по-товарищески закончил:

– Обещаю вас в кустах не находить. Шутка! Нашёл я Маринку и как увидел этот банан во рту, у меня в горле прямо мокро стало. Покоится она там как Барби после ночных утех... Вот, думаю, Дим Димыч обрадуется – он такие загадки любит. Знаете, если бы «кровища» вокруг была, не так жутко было бы! А так чистенько вокруг, и Маринка бирюзовыми глазами в небо смотрит... И этот спелый банан... Ну, как приходите вы в цветочную лавку, а там в самом центре мешок капусты стоит... Кстати, о «капусте»...

– Сочтёмся, – машинально ответил Валерий Иванович, потирая руки в предвкушении того, как дерябинцы будут рвать друг у друга из рук свежий выпуск «Особого пути». Но тут же себя одёрнул и принял скорбный вид.

«Кастрированный» утренним известием о первом смертоубийстве в Дерябино после раздела городских материальных активов «по понятиям» редактор всё же нашёл в себе силы взяться за ноутбук. На страничке Марины Дробышевой в социальных сетях Гудков обнаружил

заставившее его поперхнуться набежавшей слюной нечто. Под жизнерадостным лицом трупа сияли: надпись «Помним, скорбим», а в уголке – чётко видимый голубой квадратик. Он резко развернул монитор к Чижикову и с неистовством Кургиняна вскричал:

– А это что? Кому информацию слил? Ах ты, аспид, а я ещё тебя на груди пригрел!

Всем своим видом демонстрируя неприятие «Парнасом» итогов последних муниципальных выборов, папарацци «выплюнул» в обезображенное гневом редакторское лицо тираду:

– Да вы что?! Клянусь будущей Пулитцеровской премией, никому. Кстати, на вашей груди целый серпентарий пригрелся... Вот, Ковалёва, к примеру... Баба, а строит из себя!

Кстати сказать, половой геноцид оной случился у Володьки из-за высокомерного отношения сочной девицы к нему, как к бесполому субъекту.

Валерий Иванович по-кавалерийски пресёк гендорную дискриминацию Чижикова взмахом ручки и «рубанул» ею по столу со словами:

– Об этом потом! Звоню Бессмертному, пусть почешется... Он ещё за сокрытие шашней с племянницей мэра не рассчитался! Вшей ему на голову!

Набрав номер телефона следователя дерябинской прокуратуры Бессмертного Петра Ефимовича, редактор таблоида «Особый путь» интригующе как бы пропел в трубку:

– Пётр Ефимович, сердечно и горячо приветствую. Как успехи на криминальном фронте? Враг бежит, жалобно скуля по дороге? Ладно, ладно, не до прикола. А ты что не на выезде? Как на каком? У тебя труп в кустах, а ты сидишь, как гвоздём прибитый. Марину Дробышеву убили! В трестах метрах от лесополосы на Сиреновой поляне. Или у тебя со смертью личный разговор?

В трубке послышались короткие гудки... Бессмертный философски относился к препарированию своей фамилии, давно уже пустил в расход все обиды на эту тему и посему гудковские «рулады» не произвели на него ожидаемого впечатления. Мстительно хохотнув, Гудков вернулся к «ноуту». Редактор легальной газеты ткнул испачканным красными чернилами пальцем в социальную страничку трупа и отцом родившегося пацана с чуждой ему группой крови спросил:

– И как это понимать?

Это обращение грязной лужей растеклось по паркету редакторского кабинета и высохло только ближе к обеду, когда и папарацци след простыл, а сам Валерий Иванович уже полностью погрузился в дробышевское дело. Больше всего барометр общественного сознания напрягала классовая принадлежность жертвы. Если это происки злобных сил, дабы возбудить дерябинский бизнес на борьбу с существующим режимом, – быть беде, но не смертельной. А, если это принесённый пролетариатом на жертвенный алтарь агнец за бесстыдно изъятый общественный пирог, то со стола сметут всё, обильно поливая его вскипевшей кровью.

В смутной надежде снять с себя ответственность и за то, и за другое, редактор призвал к себе жертву мужского произвола репортёра криминальной хроники Алису Ковалёву. Свободная от фантомных болей распада страны Советов и не обременённая никакой собственностью, за исключением «мирового» бюста, она напишет убийственную заметку на радость прикормленному кровавыми телесериалами городскому люду.

Что, собственно говоря, от неё и требуется.

К вящему негодованию редактора газеты «Особый путь» Алиска не избегла тщеславного соблазна поместить своё бессмертное творение в социальных сетях. Предсказуемая реакция на него всего прогрессивного человечества нашла отражение в подкинутой к дверям дерябинцев нелегальной местной газете «Вилы». В ней писалось: «Ловящий рыбу в мутной воде Интернета Госдеп США разразился гневной отповедью в адрес руководства России с требованием незамедлительно прекратить варварское истребление достойнейших отпрысков дерябинского бизнеса. А по какому, спрашивается, праву?».

Глава 3

Прокуратура города Дерябино располагалась в двухэтажном белокаменном особняке бывшего купца Малышева. Архитектурным памятником сие строение не являлось, однако сильно отличалось от построек эпохи застоя и периода первичного накопления капитала. Дух раскулаченного хозяина не тревожил обитателей кабинетов ни днем, ни ночью, только самым ранним утром позволял себе пискнуть о своей незавидной доле мелким дрожанием лестничных балясин.

Особняк до последнего вздоха сопротивлялся современным строительным реалиям, но всё же в этом году сдался. И принял в наши дни вид молодящейся старухи безо всяких надежд на романтическое знакомство в будущем. По настоянию втайне исповедающего монархические взгляды градоначальника, фасад здания и парадное мраморное крыльцо были сохранены в первородном виде. Архитектурная мысль тут же сомлела и не пошла дальше уменьшения втрое проёмов окон, а также возведения перегородок в бывших жилых помещениях.

Кабинет следователя прокуратуры Петра Ефимовича Бессмертного содержал в себе те же признаки двойственности дерябинского сознания, как и весь город в целом. На сейфе утвердился бюстик Дзержинского, над головой – портрет гаранта Конституции, на стене – календарь с изображением Мадонны с младенцем на руках, а прямо над ним на гвозде колыхалась ядовитого цвета будёновка. На столе Бессмертного стоит компьютер с устаревшим программным обеспечением и лежит Уголовный кодекс РФ в последней редакции. Им он пользуется всякий раз, когда нужно было оказать психологическое давление на подсудимого и очень редко – для урезонивания обнаглевшей мухи. Чем не оставляет себе никаких шансов рассчитывать на славу убившего сие назойливое создание одними голыми руками в прямом эфире Обамы.

В «конторе» Пётр Ефимович слыл оригиналом, поскольку был ярким поклонником Дим Димыча, его метода и советовался с ним по поводу и без оного. Репутация Бессмертного была бы белоснежнее горных вершин, если бы неистребимая тяга к населяющим город в изобилии дерябинским прелестницам. Она вынуждала следователя прокуратуры эпизодически «отстреливаться» до последнего патрона от местных блюстителей нравов и вставать в интересную позицию перед редактором газеты «Особый путь» всякий раз, как на его столе появлялось фото тропической красотицы в объятиях неугомонного Петра Ефимовича. В случае с Бессмертным Амуру пришлось наладить конвейерное производство разящих стрел, дабы не чинить тому препятствий в романтических похождениях по городам и весям. Особенно, с учётом его фамилии.

К чести следователя прокуратуры, нержавеющий меч правосудия ещё ни разу не выпал из ослабленных плотскими утехами рук. Бессмертный был на хорошем счету у руководства и пользовался уважением дерябинского общества. Дело о наезде на сына местной учительницы разбирал не он, чему Пётр Ефимович был несказанно рад. Возможно, оно могло стать последним в правоохранительной карьере – Бессмертный относился к закону не как к ветренной любовнице, а как к законной супруге и не признавал классовых различий в обществе. Но в глубине своей сыскной души Пётр Ефимович понимал – его любвеобильность в извращённых мозгах криминалитета могла подвигнуть оный к созданию следователю прокуратуры пакостных проблем. Особенно в борьбе за равную ответственность всех перед уголовным кодексом и послужить подножкой в погоне за криминальным элементом. И посему по мере возможностей пытался ограничить свои эротические фантазии.

Бессмертный стремительно покинул прокуратуру после исполненного цинизма звонка редактора местного таблоида «Особый путь». В дверях он чуть не сбил с ног репортёра криминальной хроники Алису Ковалёву. Бойкая девица с повадками пумы тут же вцепилась в него зверской хваткой. Преодолев путь до лесополосы на машине за полчаса и мужественно пресе-

кая все алисины попытки проникнуть в тайны следствия через самые уязвимые части своего тела, Пётр Ефимович застал у трупа идиллическую картину.

Дамочка неопределённого возраста в лохматом парике с собачкой лет пяти стояла справа от трупа. Хозяйка крепко прижимала к ходящей ходуном груди мелко дрожашую псину. Слева расположился архивариус Викентий Павлович, заложив усыпанные бумажной пылью руки за крестец. Оный всем своим видом демонстрировал равнодушие к молоденькой практикантке дерябинского архива, неизвестно зачем и неизвестно как оказавшейся со своим куратором в лесополосе в столь дивный час. Этим собственно и объяснялось его нежелание звонить в полицию, о чём Дымов нехотя уведомил хозяйку шпица, а засим долго и нудно торговался с ней о цене исчезновения с места происшествия. Бессмертный вызвал по «мобиле» оперов и отогнал подальше от трупа исполненную недовольства публику – торг был прерван на завершающем этапе.

Все попытки Викентия Павловича тенью отца Гамлета удалиться с Сиреновой поляны под руку с окаменевшей от страха спутницей он решительно пресёк жестом Командора. Удерживать глубоко законспирированную пенсионерку с собачкой на поводке не пришлось, скорее наоборот – труднее было бы от неё избавиться.

Сам Пётр Ефимович склонился над телом. Коротенькая блузка макового цвета на девушке не была расстёгнута, молния на белой юбке не потревожена. Кокетливые носочки под тон блузки и белые кроссовки венчали это ещё с утра горячее тело. Подошва обуви была испачкана грязью с зелёными прожилками травы. Видимо, пытаясь освободить руки от липкой ленты, Марина отчаянно упиралась кроссовками в землю. Банан во рту девушки уже утратил свой живой вид и выглядел очень неуместно. С таким орудием преступления Бессмертный сталкивался впервые и непроизвольно ловил себя на мысли выбросить оный вон, дабы трагедия не выглядела фарсом и глумлением над человеческой сущностью.

При звуке мотора приближающейся машины вся троица поодаль от трупа насторожилась и приняла позы истуканов. Пётр Ефимович встретил опергруппу, проводил к трупу и сразу же направился к выгружавшим носилки из белоснежной «газели» санитарам. Потеряв бдительность во время этого процесса, он выпустил из вида атаковавшую свидетелей Алису. В высоких шпильках на босу ногу она принялась «долбить» человеческое сознание, взывая к общественному долгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.